

ЙОСЕФ ДОГНАЛ

*(Университет им. Масарика, г. Брно, Чешская Республика –
Университет им. св. Кирилла и Мефодия,
г. Трнава, Словацкая Республика)*

УДК 821.161.1-32(Андреев Л.Н.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)53-8,44

ОДИН ИЗ АНДРЕЕВСКИХ ЧЕРТЕЙ И ЕГО КОННОТАЦИИ (НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ПОВОДУ РАССКАЗА «ЧЕРТ НА СВАДЬБЕ»)

Аннотация. Статья посвящена анализу рассказа Л. Н. Андреева «Черт на свадьбе» (1909), который не так уж часто становится объектом внимания исследователей. Несмотря на некоторое структурное родство с другими произведениями Андреева начала века, рассказ отдельными существенными чертами отличается от них, что свидетельствует о поисках писателем экспрессивной манеры передачи динамики изображаемого действия (это проявляется, прежде всего, в использовании многочисленных междометий). В статье устанавливается связь между аллегорическим содержанием рассказа, опирающимся на ключевые понятия (дом, танец, черт), и общественными проблемами времени, которые волновали писателя. Выводы, к которым приходит автор статьи, позволяют отнести данный рассказ к числу произведений, свидетельствующих о постепенном вызревании отрицательного отношения Андреева к революции, упрощенно понимаемой и толкуемой многими его современниками – и идеологами, и писателями. Упрощенное, по сути, анархическое понимание революции, по мнению писателя, опасно для самой революции, так как оно чревато разрушительным хаосом и нарушением установившихся положительных норм и традиций.

Ключевые слова: русская литература, рассказ, Л. Н. Андреев, «Черт на свадьбе», дом, танец, черт, традиции, хаос, революция.

Рассказы Л. Н. Андреева опираются чаще всего на довольно четко обозначенный сюжет, передают его в тонко разработанном, часто чрезвычайно быстром развитии. Они почти все без исключений связаны с «андреевской схемой» острой ломки, размежевывающей «состояние до» и «состояние после» этой ломки [см.: Dohnal 1997: 36-37]. И так как рассказы Андреева являются в большинстве случаев своеобразным провоцирующим ментальным экспериментом, т.е. экспериментом, который писатель проводит сначала в своем внутреннем, мысленном моделировании мира, а затем переносит его в текст, то часто видна связь с теми сложными вопросами, которыми было чревато начало XX-го века, меняющее парадигмы общественной и индивидуальной жизни. Андреев то изображает войну, то обращает

внимание на революцию, то на связь реальной жизни с религией. Однако всегда можно почувствовать, что поднимаемые им темы связаны не только с волнующими его самого вопросами, но и с проблемами смысла личной жизни, направления развития жизни общественной, откровенно или подспудно обсуждаемые поколением рубежа XIX и XX веков. Поэтому некоторые андреевские произведения скорее абстрактны, как будто не приурочены к конкретным явлениям именно русской жизни, но всё же с ними связаны по контексту, по сути затрагиваемых тем. Причем, мы убеждены в том, что в прозе Андреева содержится и большая доля какого-то общечеловеческого пафоса, отзывающегося на общечеловеческие вопросы, ценности, пороки и перспективы.

Не удивляет поэтому, что Андреев в своих произведениях обращается иногда и к персонажам, которые представляют своего рода иконические образы-символы. Особое место среди них занимают в его творчестве образы Иисуса, Иуды и черта. Именно черт является персонажем, который для нас интересен, причем именно не Сатана («Дневник Сатаны»), не пожилой черт, ищущий изменения к лучшему (рассказ «Правила добра»), а Черт Карлович, главный персонаж рассказа «Черт на свадьбе» (1909).

Коротенький рассказ «Черт на свадьбе» одновременно сочетается и не сочетается с типичными андреевскими рассказами: он как будто повествует об одном, хотя и переломном событии в жизни людей, но те, чья жизнь меняется, т.е. жених и невеста, не играют в произведении почти никакой роли. Они просто присутствуют как повод для последующего свадебного веселья – вот и все, даже по имени их рассказчик не называет, настолько они незначительны. Да и сама основная ситуация – свадьба – как будто есть: она изображена не как процесс, а только как веселая встреча людей после венчания, которое уже было и подразумевается, хотя в тексте оно тоже не изображено. Значит, свадьба уже завершена, не стоит о ней и упоминать, как не стоит упоминать и о попе, венчавшем молодых. Все это было, кажется, но не расценивается в повествовании как достойное упоминания. Да и многое другое дано только в самых общих штрихах, рассказчик как будто предполагает, что читатель «знает», как по традиции проходит свадьба, как после венчания все, кого пригласили, т.е. «свои», веселятся, пьют, танцуют.

Кажется, именно в таком традиционном понимании свадьбы и веселой свадебной суматохи надо искать основу выстраивания рассказчиком исходной ситуации: все соответствует традициям, ничего необычного тут не происходит, присутствуют «свои»,

действуют как положено. Подчеркивается это и тем, что в тексте несколько раз упоминаются носители традиции – дедушки и бабушки, а не молодые люди, скорее склонные к изменениям. Кроме того, действие, очевидно, происходит зимой, так как в самой экспозиции рассказа указано, что «Черт Карлович проковырял на замерзшем стекле дырочку, надышал в нее своим горячим дыханием и увидел, что там свадьба...» [Андреев 1995: 15]. Рассказчик таким способом создает образ чего-то традиционного, прочно вошедшего в устоявшийся уклад жизни, в котором все имеет свое место, в котором поколения принимают и соблюдают данные традицией обычаи.

В этот традиционный мирок и вторгается «чужой» элемент. Уже само его имя свидетельствует о том, что он не от мира сего – не только Черт, а еще Карлович, тем самым намекается на определенную связь с немецкой или общегерманской средой. Традиционное происходит внутри – «чужое» сначала извне заглядывает, а потом заходит вовнутрь. Создается определенное напряжение между внутренним, домашним, привычным, традиционным, с одной стороны, и чужеродным, внешним, не принадлежащим к домашней традиции – с другой. В связи с этим надо не забывать о том, что обе эти среды отделяет, – о доме. Дом – символ прочности, безопасности и защиты от внешнего, постороннего и опасного, хранитель семьи и ее интимности, он же и то, что передают родители детям, – и воспитание, и близость, и история семьи, и семейные ценности, и, наконец, имущество.

Этот основной контраст и получает свое развитие в тексте, на его основе разворачивается дальнейшее действие, когда Черт Карлович заходит в дом и старается, притворяясь, стать одним из присутствующих. Рассказчик тщательно подчеркивает поддельное добродушие, каким Черт Карлович хочет обмануть присутствующих на свадьбе: «Шморганул носом, спрятал рога в сугроб; и, не долго думая; вошел под видом предобрейшего господина. Глазки сделал маленькие и, добрые, на носу повесил добродушие и, рассыпая изысканные поклоны, минут двадцать улыбался во все стороны: это я» [Андреев 1995: 15]. Так выстраивается новый контраст, усугубляющий первый: на свадьбе не предполагается кощунственное поведение – все должны радоваться, так как вступившие в брак обещали друг другу (и Богу?) все самое благородное, не предполагая лжи, ненависти и коварства. Кроме того, данное высказывание, говорящее о мотивировке последующих поступков Черта Карловича, можно считать своего рода антиципацией: черт остается чертом, его намерения грязны, с самого начала связаны с обманом.

Чужеродность Черта Карловича свадебным гостям подчеркивается еще одной деталью. Когда он заводит речь о танцах, то говорит: «Я умею: па-де-катр, лезгинку, английский вальс, тарантеллу, мазурку...» [Андреев 1995: 15]. Если учесть, что, согласно тексту, тем местом, где пируют, является дом на берегу норвежского фьорда, то ни один из танцев не принадлежит к «домашним», все они данной среде чужды.

Черт Карлович пользуется доступными ему средствами в общении, чтобы не только привлечь внимание гостей, но и стать тем, кто, приспособившись к всеобщему веселью, будет постепенно влиять на его ход так, что, по сути, полностью им овладеет. Он поздравляет невесту, вступает в разговор с остальными гостями и, пользуясь гостеприимностью хозяев, завладевает вниманием всех присутствующих: «Ах, какой господин! Опять кланялся минут двадцать и улыбался вверх и вниз, всех помазал улыбкой, как собака пушистым хвостом» [Андреев 1995: 16]. Тон повествования выражает основное отрицательное отношение к Черту Карловичу, указывая на тот факт, что герой только притворяется, желая произвести впечатление на гостей, Подспудно же чувствуется, что его основная цель неискренна – он хочет, по сути, подвести гостей, манипулируя ими.

Свадебной компании поведение Черта Карловича приятно, оно вносит изменение, динамику в происходящее, так что гости начинают считать его тем, кто распоряжается атмосферой, кто поднял ее на непривычный, более приятный для всех уровень. Кто-то даже говорит: «Милостивый государь! Мы вас не знаем, но это просто невероятно, чтобы один-единственный господин внес столько веселья. Дом положительно кружится. А ваша нежность равняется только вашему искусству в танцах!» [Андреев 1995: 16]. Соединение слов *танец* и *кружится* можно толковать и так, что состояние гостей, у которых начинают преобладать эмоции, близко к головокружению, к утрате рационального контроля над собой.

Движение в круге, нарастающий уход от рационального восприятия происходящего подчеркиваются при помощи не так уж часто используемых Андреевым повествовательных средств: в тексте появляется непривычное для писателя большое количество междометий. Они – свидетельство преимущественно эмоционального восприятия ситуации присутствующими, причем использование их в качестве повторяющегося лейтмотива усиливает ощущение именно головокружения и утраты гостями рационального контроля над своим поведением.

«- Держите скрипку! Милостивый государь, это ваши шалости. Она играет черт знает что. Взгляните на дедушку! Взгляните на бабушку!

- Ловите барабан!

- И он тоже?

- И он тоже! Милостивый государь, скажите вашему барабану, что это неприлично; он заигрывает со старухой, у которой двенадцать внучат!

Тррр! Дедушка таки попал ногой в барабан и прорвал, скрипка плачет, дом танцует: трам-блям, тра-та-та» [Андреев 1995: 17].

Персонифицированные барабан и скрипка, которые вдруг начинают сами по себе действовать как бы без музыкантов, как и музыкант, свалившийся со стула, свидетельствуют о стихийном буйстве, охватившем компанию и поддерживаемом появившейся группой еще двадцати двух чертей, которые своими поступками начинают расшатывать дом как таковой.

Потере сознательного контроля гостей над своим поведением способствует и вино, на что намекает рассказчик, не забывая подчеркнуть его вредное влияние. Но гости, не обращая на это внимание, все время пьют. Причем именно Черт Карлович побуждает их к этому:

«Вдруг - бува!.. затошнило дедушку.

- Но это пустяки! Не то вино или не туда вино, но позвольте мне! Как говорится: брак и честь имею. Раз! Два! Твое здоровье, мое дитя!» [Андреев 1995: 16].

Результатом всего этого становится полная суматоха, в которой черти по сути дела полностью разрушают какой бы то ни было устоявшийся порядок: «Стало очень весело, потому весь дом закружился. Поплыли, поехали старики и старухи, качаются, как в бурю: никогда еще так не плясалось» [Андреев 1995: 16]. Именно умеренные, сохранявшие в начале рассказа традиции дремлющие старики – прямое свидетельство возбуждения и преобладания эмоционального начала в поведении гостей. Тут меняется – или скорее дополняется – значение слова «дом»: теперь под ним можно подразумевать и значение *все в доме* или даже *всё в доме*. В возникшей суматохе, в которой участвуют и гости, и черти, начинается драка: «Ну и драка! Так раскачали дом, что встал он кверху ногами, насилиу черти выскочили. Сели на горочке и смотрят, как дом на голове стоит и в воздухе ногами машет, а внутри гомон, крик, плач, рев, свист, оплеухи, затрещины» [Андреев 1995: 18]. Все черти, включая Черта Карловича, оставляют гостей в доме и смотрят на то, что там творится, – и танцуют под музыку барабана и скрипки. Устроили хаос и оставили людей в нем. Не удивительно, что хаотическое действие заканчивается уничтожением: «А дом подумал-подумал и, как дурак, пошел топиться»

в фиорде, в холодной воде, в черной воде. <...> И мрачный ветер прошел по мрачному норвежскому берегу и мрачному фиорду» [Андреев 1995: 18].

Единственным существом, не поддающимся влиянию Черта Карловича и его свиты, является кошка, связанная с домом, но ушедшая из него и смотрящая извне на то, что творится в доме и с домом, по своей слабости не сделавшая, однако, никакой попытки воспрепятствовать трагедии. Она лишь отзывается на происходящее, предвидит плохое, но отказывается от какой бы то ни было связи с происходящим и ответственности за него: «А кошка мяукает зловеще: - Я говорила! Нет, не беру на себя ответственности» [Андреев 1995: 18].

Рассказ «Черт на свадьбе» не очень похож на другие андреевские рассказы своей насыщенностью местоимениями, подчеркивающими эмоциональный характер изображаемого действия и его восприятия, а также, как уже отмечалось выше, междометиями, используемыми в качестве лейтмотивов. Передается не действие, которое, хоть отчасти, реально, а наоборот, действие невероятное, обобщенное, соединяющее и человека, и чертей, и животных, и вещи, олицетворенные и наделенные способностью действовать по своей воле. – Получается, по сути дела, притча. Расшифровать ее, понять ее значение, которое соответствовало бы замыслу писателя, довольно трудно. Попытаемся, однако, дать одно из потенциальных толкований, так как форма и содержание дают нам возможность такую попытку предпринять.

Исходным пунктом может стать центральное действие рассказа – танец. По «Антропологическому словарю (Antropologický slovník)», «Tanec je možné chápat jako ritualizovanou formu společenské komunikace, sportovní výkon, náboženský, emocionální nebo umělecký projev, symbolickou metaforu zpřítomňující běh lidského života či fungování světa» [Antropologický slovník 2009: 4104]. Если принять в качестве исходного пункта наших рассуждений именно ту часть словарного определения, в которой говорится о ходе человеческой жизни или о функционировании мира, то можно предположить, что именно свадебный танец может стать метафорой, символом упорядоченного действия, соответствующего важному моменту в жизни людей, событию, разделяемому знакомыми и близкими, чаще всего родней. В таком случае появление среди гостей «чужого» и «чуждого» – черта из преисподней, приходящего с целью обмануть, кажется одновременно и искушением, и проверкой прочности функционирования данного мира в его торжественный момент, когда традиции/ритуалы дают о себе знать особенно сильно.

В противовес танцу – динамике, движению (хотя бы в круге – или

именно в круге, т.е. при сохранении чего-то традиционного, прочного, утвердившегося), ходу действия, изменению – и, прежде всего, черту с его *чужими танцами* – искушению, измене, обману, «нечистой силе» – изображен дом («недвижимость», т.е. то, что без движения) – символ стабильности, прочности, защиты, убежища, замкнутости, закрытого пространства или определенной группы людей, человеческой общности [Antropologický slovník 2009: 1006]. Примечательно, что дом находится на берегу фиорда (правда, норвежского, как говорится в рассказе). Именно позиция «на рубеже» прочного (земля) и непрочного (вода) делает дом менее прочным, не абсолютно безопасным убежищем, ухудшает его способность защищать находящихся в нем людей. Именно эта позиция «на рубеже», угрожающая дому, как будто выражена в трижды повторяемом лейтмотиве «И мрачный ветер прошел по мрачному норвежскому берегу и мрачному фиорду» [Андреев 1995: 16,18], появляющемся сначала как предостережение, потом как антиципация и, наконец, как констатация.

Третьим фактором, разрушающим равновесие между домом, с одной стороны, и танцем – с другой, представляется черт. Он по традиции вредит, искушает, чаще всего так, что удовлетворяет чаяния и нужды тех, кто хочет быстро добиться какой-то желаемой цели без того, чтобы самому заслужить это своей работой. Именно так черт и поступает, угождая не высказанным, но существующим потребностям людей: он и забавляет, и танцует, показывая что-то новое, интересное для них, и разговаривает, и льстит, и угощает. Черт Карлович не один – к нему присоединяется его свита, как только оказывается, что ему удалось заинтриговать свадебных гостей. Под влиянием чертей танец постепенно меняет свой характер: из упорядоченного, традиционного он становится диким, хаотичным, провоцируемым и управляемым чертями, которые доводят его до полного хаоса. Дело, однако, в том, что Андреев вводит в рассказ не просто черта, а *Черта Карловича*, т.е. конкретного черта, обладающего отчеством, хотя (или как раз?) и нерусским.

Значит, то, о чем повествует андреевская притча, – это разрушение устоев жизни под влиянием «чужой», «нечистой» силы, угождающей тем, кто преклоняется перед ней, приносящей кажущееся кратковременное удовлетворение их чаяний даром, без труда. В конце притчи – полное разрушение устоев, уничтожение дома: «А дом подумал-подумал и, как дурак, пошел топиться в фиорде, в холодной воде, в черной воде» [Андреев 1995: 18]. Примечательно, что в тексте тонет дом, не говорится о людях в нем; тонут, значит, не только люди,

но и все связанное с домом: и его обитатели, и защита, и устои, и традиции, тонут и молодожены, о которых нельзя забывать, так как они представляли собой надежду на новую счастливую жизнь, на детей, на будущее поколение, на продолжение устоявшейся жизни и сохранение дома. Так же примечательно то, что сами утопающие приняли активное участие в разрушении и праздничного дня, и традиционного танца, и устоев, и самого дома. Черт Карлович и его свита только внесли энергию разрушения, дали первый толчок, помогли этому толчку «разбухнуть», а все остальное происходит уже без их содействия, так как в конце рассказа-притчи черти больше не принимают участия в танце и драке: «Сели (черти – Й.Д.) на горочке и смотрят, как дом на голове стоит и в воздухе ногами машет, а внутри гомон, крик, плач, рев, свист, оплеухи, затрещины» [Андреев 1995: 18]. Это же обитатели дома – те, кто, по сути дела, ставит его вверх ногами, это они – потерявшие чувство общности, единения, забывшие о доме как об их совместном убежище и защите перед внешней опасностью. Спасти дом и остановить жителей дома не способна кошка и несколько ее сподвижников, которые только толкуют о безопасности, но которые слишком слабы, чтобы предпринять какое бы то ни было решительное действие, да они даже и не пытаются это сделать.

Андреевский Черт Карлович и его свита не того же покроя, что Сатана («Дневник Сатаны») или старый черт («Правила добра»). Черт Карлович – разрушительное начало, оказывающее воздействие на того, кто внутренне не прочен, кто отзовется на его искушение и начнет действовать под его влиянием, забывая о других, забывая об устоявшихся порядках, забывая о защите общности, забывая о будущем.

Имея в виду тот факт, что Андреев связывал свои произведения с актуальными, наболевшими вопросами времени, стоит также учесть и то, что его рассказ-притча возникает в период пересмотра писателем основных ориентиров в своей жизни, и частных, и общественных. Именно отношение Андреева к общественным вопросам ставит под угрозу в этот период его жизни дружбу с М. Горьким. Рассказ «Тьма» (1907), который появляется как раз в это время, свидетельствует о сомнениях Андреева в том, что революционные идеи соответствуют реальному положению захваченных этими идеями людей, во имя которых, казалось бы, радикальные перемены планировались и осуществлялись. Присутствует в рассуждениях Андреева и осмысление событий 1905-1907-го годов, начинают формироваться также взгляды, связанные с предостережением, выраженным в романе

«Сашка Жегулев» (1911), и идеи, которые позже отразились в публицистике писателя 1917-1919-го годов и которые свидетельствуют о том, что он строго различал понятия «революция» и «бунт». Учитывая все эти факты, андреевский рассказ-притчу можно понимать и как определенное выражение опасений писателя: в «домашнюю» среду внедряются привлекательные, на первый взгляд, идеи, легко воспринимающиеся большинством тех, на кого они начнут воздействовать, чуждые, однако, «домашней» традиции (напомним еще раз: отчество Карлович как будто намекает на немецкое/германское происхождение черта). Намечены писателем и потенциальные последствия такого воздействия: внутренний конфликт, отрыв от старых устоев, потеря порядка и гармонии – опасность, нависшая над будущим «дома», страны, в которой такое может произойти, да и неспособность, слабость тех, кто чувствует, что такая опасность существует, но не могут (или не хотят) активно ей противодействовать. Катастрофический конец рассказа-притчи Андреева «Черт на свадьбе» как будто предвещает текст его же статьи «Спасите (S.O.S.)» 1919-го года, в которой Россия сравнивается с утопающим судном.

Если рассматривать рассказ «Черт на свадьбе» в контексте других произведений Л. Н. Андреева, в которых отразились его сходные мысли, то окажется, что рассматриваемая нами притча действительно является одним из звеньев зреющего скептического отношения писателя к возможностям неорганичного, внезапного, «чуждого» и «чуждого» «домашним» традициям переворота, основанного на обманном обещаниях, угождающих большинству.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л. Н. Черт на свадьбе // Андреев Л. Н. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1995. Т.5. Рассказы. Пьесы 1914-1915. Сатирические миниатюры для сцены 1908-1916.

Antropologický slovník. Brno, 2009. 1006 s.

Dohnal J. Povídková tvorba Leonida Nikolajeviče Andrejeva. Brno, 1997.